

Б. Т. ГОРЯНОВ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД XIII—XV вв.

Характеристика поздневизантийского феодализма не может считаться полной без изучения форм общественно-экономического строя византийского города XIII—XV вв. Но это исследование наталкивается на большие трудности, вызываемые скудостью источников, особенно актового материала. Сведения нарративных источников о поздневизантийском городе отличаются исключительной фрагментарностью, относятся в основном к большим городам (Константинополь, Фессалоника и др.) и почти не затрагивают жизни городов византийских провинций. Меньше всего сохранилось данных о развитии производительных сил в поздневизантийском городе. Для этого времени мы не располагаем никаким источником, аналогичным «Книге епарха», на основе которого прослеживалось развитие ремесленного производства в более ранние времена. Источники позволяют осветить торговлю западных, преимущественно итальянских колоний и дают очень мало материала для характеристики собственно византийской торговли.

Но тот факт, что история поздневизантийского города является почти «белым пятном» в историографии, объясняется не только недостатком источников. Следует напомнить, что буржуазное византиноведение вообще не уделяет сколько-нибудь значительного внимания изучению общественно-экономического строя поздней Византии.

В связи с этим мы сталкиваемся с почти полным отсутствием монографических исследований о поздневизантийском городе, если не считать устаревших работ (Брентано, Макри и др.). Из локальных исследований можно отметить работу румынского историка Тафрала о Фессалонике XIV в.¹ В этой монографии основное внимание уделяется политической истории Фессалоники, вопросы же социально-экономического развития этого крупнейшего после Константинополя византийского городского центра занимают второстепенное место. Муниципальному устройству византийских городов посвятил свою небольшую работу другой румынский историк — Братиану², но и он не уделил поздневизантийскому времени достаточного внимания. Данные о городах Пелопоннеса содержатся в работах Ленерца³ и Бона⁴, сведения о византийском городе собраны в статье Новаковича⁵.

¹ O. Tafrali. Thessalonique au quatorzième siècle. Paris, 1913.

² G. I. Bratianu. Privilèges et franchises municipales dans l'empire byzantin. Paris—Bucarest, 1936.

³ R. Loenertz. Pour l'histoire de Péloponèse au XIV-e siècle. „Études byzantines“, I, 1943, p. 152—196.

⁴ A. Bon. Le Péloponèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951.

⁵ St. Novakovič. Villes et cités du moyen âge dans l'Europe occidentale et dans la Péninsule Balcanique. „Archiv für slavische Philologie“, Bd. 25, Heft III. Berlin, 1903, S. 321—340.

Французский византист Брейе, как и Новакович, отрицал развитие феодальных отношений в Византии. Вместе с тем в третьем томе своего синтетического труда по истории Византии⁶ он собрал значительный материал о византийском городе, который может быть использован. Большой фактический материал, характеризующий многообразные стороны жизни византийского общества, в том числе и городской, собран в труде греческого историка Кукулеса⁷. В нем использованы многие недоступные нам публикации, что делает необходимым привлечение его к исследованию. Нельзя пожаловаться на недостаток литературы, посвященной торговой деятельности итальянских и других западноевропейских колоний на византийской территории. Однако после работы Гейда⁸ мы не имеем ни одной монографии такого широкого охвата, основанной на столь обширном круге источников, какой была его книга. Поэтому произведение Гейда во многом до сих пор не утратило своего значения, что дает нам основание привлечь и его к нашему исследованию.

Естественно, что при таком состоянии источников и литературы можно попытаться наметить лишь основные тенденции развития поздневизантийских городов. Именно это и является задачей настоящей статьи.

Мы рассмотрим в первую очередь города-эмпории, где «...производство, так сказать, естественно рассчитано на меновую стоимость...»⁹. Из городов этого типа мы остановимся на Константинополе, Фессалонике и Трапезунте.

Непоправимый удар Константинополю нанесли латинские завоеватели во время IV крестового похода. Говоря о завоевании Константинополя турками, Критовул писал, что этот город и раньше был захвачен западными народами и 60 лет находился под их тиранией. Он лишился многих богатств: священной утвари и многих ценностей, которые были вывезены на Запад, и долго после этого испытывал недостатки и нужду¹⁰. Хищническое хозяйничание латинских завоевателей довершило опустошение города. Путешественники XIV—XV вв. — араб Абульфед¹¹, испанцы Клавихо и Перо Тафур описывают опустевшие, покрытые развалинами кварталы. Исчезли многие портики, статуи, от которых остались только основания¹². После захвата Константинополя в 1204 г. Роберт Клари еще видел площадь, которую называли «играми императора», 30 или 40 скамей амфитеатра для зрителей, императорскую трибуну и памятники «Спины»¹³, но при захвате столицы ипподром был разграблен и заброшен¹⁴.

Одним из следствий крестовых походов и создания государств крестоносцев в Сирии, а особенно латинского завоевания 1204 г., облегчившего возникновение на территории Византии итальянских торговых колоний, была утрата значения Константинополя как главного рынка торговли между Востоком и Западом. Товары из Индии и Китая шли отныне в си-

⁶ L. Bréhier. Le monde byzantin, t. III. La civilisation byzantine. Paris, 1950, p. 1—260.

⁷ Ph. Koukoules. Vie et civilisation byzantines, I—V. Athènes, 1948—1952.

⁸ W. Heyd. Geschichte des Levantenhandels im Mittelalter, Bd. 2. Stuttgart, 1879. Мы пользовались французским переводом, вышедшим в Лейпциге в 1923 г. (W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au moyen âge, vol. I—II. Leipzig, 1923).

⁹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, 1940, стр. 48.

¹⁰ Critobulus. De rebus gestis Mechmetis, lib. I, cap. 69. Fragmenta historicorum graecorum, ed. C. Müller, vol. V. Paris, 1883, lib. I, p. 99.

¹¹ Aboulféda. Géographie, trad. par M. Reinaud, vol. II. Paris, 1898, p. 315—316.

¹² L. Bréhier. La civilisation byzantine, p. 79—80.

¹³ Robert de Clari. La conquête de Constantinople. Paris, 1924, p. 88.

¹⁴ Nicetas Choniata. De statuis, lib. XXI. Bonnae, 1835, p. 79.

рийские порты, откуда итальянские корабли везли их на Запад. В дальнейшем торговля Константинополя падала и из-за помех, которые причиняли турки навигации. Купцы начинали искать новые торговые пути. Основные венецианских и генуэзских колоний на берегах Азовского и Черного морей, в Тане и Каффе, облегчало сношения с югом Руси. Проникновение итальянских торговых республик в Трапезунтскую империю, через которую можно было непосредственно сношаться с областями Кавказа, лишило Константинополь принадлежавшего ему в предшествующие времена контроля над торговлей в Черном море.

За время существования Латинской империи чрезвычайно упрочилось положение венецианцев в Константинополе. Их прежний квартал сильно расширился за счет неоднократно делавшихся императорских пожалований¹⁵. В связи с этим расширением стали различать «старый» венецианский квартал и «новый»¹⁶. В Константинополе находился венецианский представитель, который одновременно являлся главой венецианской колонии и правителем всех владений Венеции в «Романии». Он носил название *Venetorum in Romania potestas ejusdemque imperii super quartam partem et dimidiam dominator*¹⁷. Марино Гено, первый венецианский представитель, приступил к постройке новой стены, которая должна была охватить все владения венецианцев в Константинополе¹⁸. Константинополь превращался в центр всех восточно-средиземноморских колоний Венеции. Одно время сюда предполагали перенести резиденцию дожа.

В начале XIV в. усиливалась генуэзская колония в Константинополе, и генуэзцы стали решительно бороться за первенствующую роль на Босфоре. Как говорил Иоанн Кантакузин, «задумали они не малое: они желали властвовать на море и не допускать византийцев плавать на кораблях, как будто море принадлежит только им»¹⁹. Никифор Григора также сообщает, что генуэзцы «бредили захватом гегемонии над всем морем»²⁰. Весьма ценный материал, характеризующий генуэзскую торговую политику в XIV в., собран в работе Е. Ч. Скржинской. Она показала, что «генуэзская Галата... внесла не малую долю в совокупность тех причин, вследствие которых подсекались силы Константинопольской «городской» империи накануне ее последних лет»²¹. В марте 1303 г. Андроник II по настоянию генуэзцев сильно расширил территорию Галаты. Колония имела теперь компактную территорию, которая была окружена стеной и рвом. Для характеристики роста генуэзской торговли достаточно напомнить известное сообщение Никифора Григоры, в котором указывалось, что «их (генуэзцев) ежегодный доход от пошлин составлял, примерно, 200 тысяч, а у византийцев он едва доходил до 30 тысяч»²².

Весьма тяжелым было зачастую положение с продовольственным снабжением столицы. В этом отношении большой ущерб причиняли полученные генуэзцами и венецианцами привилегии, по которым они имели право свободного вывоза из империи хлеба и других продовольственных продуктов. Для характеристики продовольственного положения столицы большой ин-

¹⁵ G. L. F. Tafel—G. M. Thomas. *Urkunden zur älteren Handels-und Staatsgeschichte der Republik Venedig*, Bd. I—III. Vill, 1856, Bd. II, S. 289, 298.

¹⁶ *Ibid.*, II, S. 284, 292.

¹⁷ *Ibid.*, I, S. 567; II, S. 18, 206, 216, 221, 227, 254, 247; III, S. 23.

¹⁸ Tafel—Thomas, II, S. 48; III, S. 23.

¹⁹ *Cantacuzenus. Historiarum libri 4*. Bonnae, 1828—1832, IV, 11, p. 69.

²⁰ *Nic. Gregora. Historia Byzantina*. Bonnae, 1829—1830, XXV, 17, p. 41; XVIII, 2, p. 877; XXVIII, 29, p. 194.

²¹ Е. Ч. Скржинская. *Генуэзцы в Константинополе в XIV в.* ВВ, т. I (XXVI), 1947, стр. 234.

²² *Nic. Greg.*, XVII, 1, p. 842.

терес представляет переписка патриарха Афанасия²³. В своих письмах Афанасий, вступивший на патриарший престол в 1289 г. и занимавший этот пост в 1289—1293 и 1304—1310 гг., сообщал, что население столицы не могло испытывать настоящего голода. «Улицы и переулки, — писал он, — переполнены людьми, истощенными от голода, валяющимися на земле, часто прямо в грязи. Когда я проходил по улицам, меня обступали люди, просящие милостыню. Раньше они просили разные вещи, теперь все умоляют только дать им сколько-нибудь хлеба. Все они просили меня воспрепятствовать утечке хлеба из столицы и заклинали меня, чтобы я обратился с этим их требованием к императору. Ни один чиновник или священник не может бороться против этого зла, если против этого не будут приняты меры самим императором»²⁴. Патриарх Афанасий просил назначить специальное лицо, на которое была бы возложена задача упорядочить продовольственное снабжение столицы. Из переписки Афанасия видно, что по его просьбе Андроник II принял некоторые меры, издав указы о наблюдении за хлебной торговлей и борьбе с злоупотреблениями. Однако, эти меры не дали эффекта; и в следующих письмах мы снова встречаем жалобы Афанасия на то, что торговцы хлебом, пользуясь продовольственными затруднениями, вздувают цены на хлеб, пекут хлеб низкого качества с примесью соломы или из прогнившего зерна. В бедствиях населения столицы Афанасий обвиняет латинян, т. е. итальянских купцов, которые в своем высокомерии издеваются над несчастьями, переживаемыми жителями Константинополя²⁵. Историк Пахимер также сообщает о больших трудностях в снабжении столицы. Он отмечает, в частности, что цены на продукты питания очень высоки²⁶. Рамон Мунтанер писал около 1303 г., что когда он был в Константинополе, люди, бежавшие из Анатолии от турок, блуждали по городу или валялись по улицам, нередко прямо в грязи, крича от голода²⁷.

Не только хлеб, но и другие продовольственные продукты доставлялись с Черного моря не византийскими, а почти исключительно генуэзскими кораблями. Поэтому всякий раз, когда генуэзцы лишались возможности доставлять товары в Константинополь, город оказывался в очень тяжелом положении с продовольствием²⁸.

Но внутренняя торговля в самом Константинополе продолжала оставаться достаточно оживленной. Средняя улица (Μέση) еще сохраняла свое значение главной торговой артерии столицы. Подлинным деловым центром была ее часть между Большим дворцом и форумом Константина, протяженностью 570 метров. Эту часть Месы иногда называли агора²⁹. В ней сосредоточилась торговля драгоценными металлами. Здесь же устанавливали свои столы трапезиты. В 1403 г. они сохраняли свои позиции. На многих улицах Константинополя бойко велась торговля вразнос. Феодор Продром указывает, что наряду с продавцами тканей и съестных продуктов тут же можно было видеть вышивальщиков золотом, сапожников, носиль-

²³ R. Guiland. La correspondance inédite d'Athanase, patriarche de Constantinople (1289—1293; 1304—1310). Mélanges Charles Diehl, vol. I (histoire). Paris, 1930, p. 121—140.

²⁴ Ibid., p. 138—139.

²⁵ Ibid., p. 139—140.

²⁶ Pachym., II, p. 494.

²⁷ Ramon Muntaner. Chronique, in: J. A. Buchon. Croniques étrangères, relatives aux expéditions françaises pendant le XIIIe siècle. Paris, 1840.

²⁸ W. Heyd. Histoire du commerce..., II, p. 166.

²⁹ R. Guiland. La Mesé. „Actes de VI Congrès internationale des Études byzantines“. Paris, 1948, p. 241.

щиков Последние, пишет он, работая целый день, получали за свою работу порцию жаркого и бокал вина³⁰

В XIV в. Ибн-Батута отмечал наличие рынков для отдельных видов товаров³¹ В XV в торговцы съестными припасами заполнили все подступы к храму св Софии³²

Гражданские войны, тяжелые эпидемии, свирепствовавшие в XIV в., сильно сократили население Константинополя Исчисление населения Константинополя в период его расцвета основывалось исследователями на данных *Notitia urbis Constantinopolitanae*³³ Согласно этому источнику, в Константинополе было 322 улицы (*vici*) с 4388 домами На этом основании исследователи считали, что население Константинополя достигало 500—600 тысяч человек³⁴.

В XIV—XV вв. численность населения Константинополя резко падала Между 1348 и 1431 годами в Константинополе 9 раз свирепствовали сильнейшие эпидемии чумы К 1430 г. Ф И. Успенский исчислял население Константинополя в 30—40 тысяч человек³⁵. Мы не имеем данных, чтобы проверить эту цифру. Однако несомненно, что во время осады 1453 г в столице нашлось всего около 5 тысяч человек, способных носить оружие³⁶

Давно прошло то время, когда, по выражению писателя ранних времен, Константинополь жил «разорением почти всех других городов» (*Constantinopolis dedicatur raene omnium urbium nuditate*)³⁷ Византийское ремесло, которым занималась большая часть населения города и торговля изделиями которого приносила огромные доходы столице, постепенно приходило в упадок. Иностранные товары вытесняли изделия византийского ремесла с рынков Константинополя. Никифор Григора отмечал, что предпочтение иностранных одежд доходило в столице до смешного Он писал, что на улицах столицы невозможно отличить родея от иностранца³⁸

Выдвигались города, которые по размерам своей торговли успешно соперничали с Константинополем. Среди них первое место в поздневизантийское время несомненно занял крупнейший город-эмпорий Фессалоника

Расположенная на *Via Egnatia*, обладавшая удобной гаванью, Фессалоника с давних времен превратилась в крупный торговый центр При делении на фемы Фессалоника сделалась главным городом фемы того же наименования. По численности населения Фессалоника была вторым городом империи Многие источники называют ее *πολυανδροῖσα*, *πολυανθρωπος*³⁹. Нередко, говоря о Фессалонике, употребляли эпитет «великий город»⁴⁰. Как отмечается и в использованном Тафрали неизданном источнике — хронике Дольфино 1423 г — население Фессалоники в этом году еще насчи-

³⁰ E. Legrand *Bibliographie hellénique*, V Paris, 1889, vers 23—149.

³¹ Ibn-Batoutah *Voyages*, éd Défremery, vol. II. Paris, 1854, p 431; J. Ebersolt. *Constantinople byzantine et les voyageurs du Levant*. Paris, 1918, p. 43 sq.

³² A. Vasiliev *Pero Tafur and his Visit to Constantinople, Trebizond and Italy*. Byz., VIII, 1932, p. 106.

³³ *Notitia urbis Constantinopolitanae*, ed O Seek, in *Notitia dignitatum*, Berlin, 1816, p 253 sq

³⁴ О быстром росте населения в раннюю эпоху говорил в одной из своих речей и Фемистий. См. *Themistios Orationes*, XIII

³⁵ Ф И Успенский. *История Византийской империи*, т III М — Л, 1948, стр 777.

³⁶ Там же

³⁷ Hieronymi Opera PG, t 27, col 677

³⁸ Nic. Greg, III, p. 555—556

³⁹ Pachymeres *De Michaele et Andronico Paleologis* Bonnae, 1835, III, 26, p. 262; Philothei K Triantafilis et A Grapputo *Anecdota graeca*, I Venetiae, 1874, p. 100.

⁴⁰ N Chumno, Fr Boissonade *Anecdota graeca*, II Paris, 1830, p 152

тывало 40 тыс. человек⁴¹. Несомненно, численность населения Фессалоники в XIII и XIV вв. была значительно выше этой цифры. Основную массу населения составляли греки и славяне. Славяне были значительной частью населения всей Фессалоникской фемы. В Фессалонике было много армян и евреев. В XIII—XV вв. там находилось немало венецианцев, генуэзцев, пизанцев, имевших свои колонии.

Классовая дифференциация населения Фессалоники достигла к последним векам существования Византии большой глубины и обусловила резкое обострение социальных противоречий.

По свидетельству Димитрия Кидониса, отдельные представители династов и богатого купечества имели в XIV в. такие большие доходы, что могли бы на свои средства содержать весь гарнизон города⁴². Представители знати обычно назывались *ἀρχοντες*⁴³, вне зависимости от того, занимали ли они какие-либо должности.

Наличие прослойки «средних» (*οἱ μέσοι*) засвидетельствовано в произведениях Кантакузина⁴⁴ и Филофея⁴⁵. Представители этой прослойки иногда занимали низшие должности в городском управлении Фессалоники. К среднему классу принадлежали адвокаты и писцы, имевшие в Фессалонике свои корпорации. Существовали также корпорации врачей и преподавателей⁴⁶.

Жители, не имевшие никакой собственности, именовались *πένητες*, *πτωχοί*, *ὁ δῆμος*, *τὸ κοινόν*. Составляя большинство населения, этот класс назывался также *οἱ πολλοί*, как, например, в неизданной беседе Исидора из Фессалоники, сохранившейся в парижской рукописи № 1192⁴⁷. Сюда относились мелкие ремесленники, наемные рабочие. В Фессалонике была сильная корпорация моряков и портовых рабочих, сыгравшая большую роль в восстании зилотов⁴⁸.

Фессалоника была большим торговым центром с развитой внешней и внутренней торговлей. Димитрий Кидонис называл Фессалонику всеобщим рынком всей земли⁴⁹. Через Фессалонику шел вывоз из Сербии, Болгарии, Македонии, Фессалии и других стран во многие города Запада и Востока. Фессалоника славилась большой ежегодной ярмаркой, приуроченной к празднику св. Димитрия (26 октября), считавшегося покровителем города. Живое описание ярмарки сохранилось в сатире XII в. «Тимарион»⁵⁰. Такие ярмарки устраивались и в поздневизантийский период и посещались купцами Запада и Востока. Кроме того, в Фессалонике происходили ярмарки меньшего значения. Так, в неизданной рукописи Парижской библиотеки № 2953, относящейся к началу XV в., имеется сообщение, что в Фессалонике происходила ежегодная ярмарка в дни храмового праздника церкви св. Софии, продолжавшаяся 8 дней⁵¹.

Внешняя торговля Фессалоники не ограничивалась ярмаркой. О большом ввозе товаров из Руси — соленой рыбы, икры, воска — сообщает

⁴¹ O. Tafrali. Thessalonique... , p. 16.

⁴² D. Kydonis. De in Thessalonica occisorum monodia. PG, t. 109, col. 645.

⁴³ J. Schmidt. The Chronicle of Morea. London, 1904, vers. 1577, 1839; Cantac., III, 29, 28, p. 180, 181, 238.

⁴⁴ Cantac., III, 28, 38, p. 179, 235.

⁴⁵ Philothéi. A. Papodopoulos-Kerameus. Analecta, V. Petropolis, 1898, p. 194.

⁴⁶ O. Tafrali. Thessalonique... , p. 30.

⁴⁷ Ibid., p. 32.

⁴⁸ Cantac., III, 94, p. 575.

⁴⁹ D. Kydonis, col. 641: τὸ κοινὸν ἐμποριὸν τῆς οἰκουμένης.

⁵⁰ См. русский перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской с предисловием Е. Э. Липшиц в ВВ, т. VI, 1953, стр. 357—386.

⁵¹ O. Tafrali. Thessalonique... , p. 119.

Евстафий, архиепископ Фессалоники⁵². Никифор Григора неоднократно подтверждает, что привоз товаров из Руси продолжался и в XIV в.⁵³ Среди товаров, привозимых морским путем, встречались пряности, восточные ткани, сукна из Фландрии, Франции и Италии, полотна из Кампании, вина из Италии и многие другие⁵⁴.

Как и в Константинополе, Генуя и Венеция стремились усилить свои позиции в торговле Фессалоники. Так, по договорам 1261 и 1275 гг. генуэзцы получили право основать свою факторию в Кассандрии Фессалоникской фемы⁵⁵. В Фессалонике находились консулы как Генуи, так и Венеции. Однако итальянские колонии в Фессалонике не могли добиться таких благоприятных условий, как в Константинополе. Они встречали здесь более сильное сопротивление богатого купечества. Венецианские власти часто жаловались на препятствия, встречавшиеся в торговой деятельности венецианских купцов. Фессалоникские купцы нередко срывали разгрузку итальянских товаров, оскорбляли своих итальянских соперников. Нередко консулы Генуи и Венеции жаловались на это византийскому правительству, которое в отдельных случаях соглашалось возмещать итальянским купцам понесенный ими ущерб⁵⁶.

В большой публикации Дэльгера мы находим глухие упоминания о некоторых цехах Фессалоники. Акт 1295 г. свидетельствует о наличии там цеха нотариусов⁵⁷. В акте от 1320 г. в качестве одного из свидетелей выступает старшина цеха мироваров (τῶν μυρεψῶν) Феодор Врах⁵⁸. Из документа 1326 г. мы узнаем о существовании цеха строителей домов (τῶν ἰκοδομῶν)⁵⁹, старшина которого Григорий Мармара упоминается в акте. Характерно, что все эти единичные сведения относятся к такому крупному городу-эмпорию, каким была Фессалоника. Мы, к сожалению, не располагаем материалом, позволяющим определить характерные черты этих организаций в XIII—XV вв. Нет у нас и сведений о наличии подобных организаций в других городских центрах этого периода.

Крупным городом-эмпорием был Трапезунт. Хотя Трапезунтская империя в начале XIII в. превратилась в самостоятельное государство, развитие ее общественно-экономического строя имело много общего с Византией, вследствие чего мы считаем возможным привлечь Трапезунт для освещения положения византийских городов XIII—XV вв.

Трапезунт издавна был крупным центром ремесленного производства и торговли. Историк XV в. Кривовул писал, что Трапезунт с давних времен являлся «общим рынком» (κοινὸν ἐμπόριον) для Малой Азии и «Ассирии» (северного Двуречья)⁶⁰. Когда Трапезунт был пограничным городом Византии, византийские и арабские купцы встречались там для обмена своими товарами. По морю осуществлялись торговые связи с Кавказом и Русью. Торговля Трапезунта получила особое развитие после разрушения Багдада Хулагу-ханом в 1258 г.

Трапезунт доставлял для торговли многие предметы своего ремесленного производства: вязаные изделия, льняные ткани, шерстяную и шелко-

⁵² Eustathius. Opuscula. Ed. L. Tafel. Francofurti ad Moenum, 1832, p. 231.

⁵³ Nic. Greg., IX, 5, 6, 13.

⁵⁴ W. Heyd. Histoire du commerce. . . , I, p. 483—484.

⁵⁵ Jus, III, p. 575—576.

⁵⁶ O. Tafali. Thessalonique. . . , p. 126.

⁵⁷ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 59/60, S. 163 f.

⁵⁸ Ibid., № 111, S. 301 f.

⁵⁹ Ibid., № 112, S. 306; ср. Actes de Zografou, ed. W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev. ВВ, т. XIII, 1907, прилож., № 25, стр. 72.

⁶⁰ Critobulus, IV, 1, 2, p. 137.

вую одежду⁶¹. Горы, расположенные поясом вокруг империи, были богаты серебром, залежами железа и квасцов⁶². Продукция этих разработок в значительной степени вывозилась через Трапезунт.

Трапезунт был одним из важнейших портов, через которые купцы Запада проникали в Среднюю Азию. В нем постоянно было много генуэзских и венецианских купцов. Говоря о событиях 1306 г., Георгий Пахимер сообщает, что генуэзцы задолго до этого основали в Трапезунте свою колонию⁶³. В договорах между Трапезунтской империей и Венецией привилегии Генуи упоминаются как пример льгот, испрашиваемых Венецией. В частности, нередко делаются ссылки на хрисовул, по которому трапезунтский император Алексей II (1297—1331) пожаловал генуэзской колонии особый квартал⁶⁴. Венецианская и генуэзская колонии в силу отдаленности Трапезунтской империи не могли в такой степени подорвать ее торговые позиции, как это было в Константинополе, и внешняя торговля Трапезунта сохранялась на довольно высоком уровне. Это видно из того, что доходы Трапезунтской империи, в которых большой удельный вес имели таможенные пошлины, в начале XV в. достигали весьма значительной для того времени суммы в 700 тысяч дукатов⁶⁵.

К Трапезунту тяготели другие городские центры Трапезунтской империи — Триполи, Керасунт, Самсун, Орду и морская крепость Лимния. Неподалеку от Триполи находились серебряные рудники (*αργυρέϊα έργα*), продукция которых вывозилась через порт Триполи. Наибольшее значение имел порт Керасунт, о чем свидетельствуют сохранившиеся остатки больших портовых сооружений⁶⁶. Крупным торговым портом на западе черноморского побережья Трапезунтской империи был Синоп. Критовул пишет, что Синоп был рынком окружавших его областей и немалой части северной Малой Азии. По его сообщению, в Синоп приходили все товары, которые доставляют земля и море, особенно медь, вывоз которой приносил Синопу большие доходы⁶⁷.

Как ни мало сохранилось сведений о состоянии ремесла в поздневизантийское время, можно все же — конечно, не претендуя на полноту — отметить ряд производств, возникновение или распространение которых относится именно к этому периоду.

Так, именно в поздневизантийское время значительных размеров достигла добыча квасцового камня, который широко употреблялся в красильном и текстильном производствах. Основным центром разработки квасцовых рудников были Фокея и Новая Фокея на малоазийском берегу. Описание квасцовых рудников встречается у историков XV в. Дуки и Критовула⁶⁸. Дука и Критовул отмечали широкую торговлю, которую вела Фокея с различными странами. Близость разработок квасцовых рудников к берегу облегчала вывоз квасцового камня на запад. Покупателями квасцового камня были итальянцы, арабы, испанцы и сирийцы. Квасцовый камень разрабатывался в окрестностях Керасунта и Колоней и на острове Лесбосе. Квасцовый камень из Фракии, Малой Азии и с островов в большом количестве поступал на рынок Константинополя, откуда вывозился

⁶¹ Eustathius. Opuscula, p. 373.

⁶² W. Heyd. Histoire du commerce... II, p. 94.

⁶³ Pashum., II, p. 448.

⁶⁴ Tafel-Thomas, IV, p. 289.

⁶⁵ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 743.

⁶⁶ Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929, стр. 89.

⁶⁷ Critobulus, IV, 3, 3.

⁶⁸ Ducas. Historia Byzantina. Bonnae, 1834, p. 160 sq.; Critobulus, II, 12, p. 6—7.

в разные страны Европы По сообщению Пеголотти, всего в Византии в год добывалось 50 тысяч кантаров квасцов, т. е. свыше 2 тыс тонн⁶⁹

В поздневизантийское время сохранялось значительное производство тканей, пользовавшихся большим спросом как внутри страны, так и за ее пределами Ткани были одним из главнейших предметов роскоши в Византии.

После арабского вторжения производство шелка, столь процветавшее в византийской Сирии, было захвачено завоевателями, но оно получило большое развитие в Константинополе, где производство шелка сохранялось до последних лет существования империи Потребление шелка было настолько велико, что эргастерии Константинополя не могли удовлетворить всего спроса Этим объясняется создание в Фивах в XII в мастерских для выработки шелковых изделий⁷⁰. О расцвете производства в этих мастерских в 1161 г. сообщает Вениамин из Туделы⁷¹

Константинополь унаследовал египетское производство тканей, особенно льняных, а также бумажных⁷². В поздневизантийское время центрами льняного производства были область Стримона и город Керасунт.

Больших размеров в позднее время достигало в Византии производство дорогой шелковой ткани, *εἰμίτος*, *sciमितо*. О том, что эти ткани пользовались широкой известностью на Западе, свидетельствует само их название *samis de Romanie*⁷³ Большим спросом пользовалась также дорогая ткань из узорчатого шелка, нередко вытканная золотом, которая носила название саттоса. Центром ее производства был остров Кипр. Это производство было развито и в византийских провинциях, где данная ткань носила название *καμουλαῖς*⁷⁴.

Большого совершенства достигло в XIII—XV вв. производство золотых и серебряных нитей, широко применявшихся в Византии при отделке дорогих тканей. Этими нитями пользовались для вышивки фона ткани, отделки краев одежд и ковров, а также расшивали ими всю ткань, получая парчу. Наиболее известным центром производства нитей был остров Кипр, в связи с чем эти нити часто называли «золотом Кипра».

В XIII—XV вв. высокого уровня достигла техника окрашивания тканей. Окрашивались все шелковые и шерстяные ткани, а иногда и льняные. Краски извлекались из различных растений (щавеля, марены и др.) и особенно из польской кошенили, которая вывозилась на Восток через русские равнины и Черное море. Иногда ткани окрашивались в два различных цвета⁷⁵. По сообщению Пеголотти, красители из марены (*rubia tinctorum*) выделялись в Византии и носили название *gobbia di Roma* — ша⁷⁶.

Торговля тканями внутри Византии подрывалась конкуренцией зарубежных, особенно итальянских тканей. Это видно из речей о реформах Георгия Гемиста Плифона, который требовал установления высоких ввоз-

⁶⁹ Fr. B. Pegolotti. *La pratica della mercatura*, ed by A. Ewans. Cambridge, Mass., 1936, p. 369.

⁷⁰ E. Weigand. *Die helladische byzantinische Seidenweberei*. *Melanges Sp. Lampros*. Paris, 1935, p. 503—514.

⁷¹ Benjamin de Tudèle. *Voyages*, trad. franç. Baratier, IV. Paris, 1734.

⁷² Хвостов. *Восточная торговля греко-римского Египта*. Казань, 1907, стр. 130 сл.

⁷³ W. Heyd. *Histoire du commerce*, II, p. 699.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 697.

⁷⁵ J. Ebersolt. *Les arts somptuaires de Byzance*. Paris, 1923, p. 20—22.

⁷⁶ Fr. B. Pegolotti, p. 79, 296.

ных пошлин на чужеземные ткани в интересах сохранения византийского производства⁷⁷.

Ковровое производство было развито в Константинополе и в провинциях, особенно в Пелопоннесе, где оно сохранилось вплоть до XV в. Центром коврового производства была также Фессалоника⁷⁸.

После падения латинских государств в Сирии на остров Кипр была перенесена культура сахарного тростника и производство сахара. В начале XIV в., как сообщает Санудо, культура сахарного тростника и производство сахара появились в Море. Районами производства сахара были также острова Родос и Крит⁷⁹.

Среди мест, известных производством хлопка, Санудо называл остров Крит, Романию (Византию), Кипр и Армению.

В позднее время получило распространение производство бумаги. Различалась бумага из хлопка, пеньки, льна. Самые старые арабские рукописи на бумаге относятся к концу IX в., но в Византии бумага из хлопка (бомбицина) стала употребляться лишь двумя веками позднее⁸⁰. До XIII в. эта бумага не имела широкого распространения, но в XIV в. появилось уже большое количество рукописей на бумаге из хлопка. При всех библиотеках, как частных, так и монастырских, находились мастерские переписчиков. Переписчики были не только монахами, но принадлежали к людям различных профессий. Нотариусы, преподаватели и др. видели в переписывании дополнительный источник заработка⁸¹.

Значительно расширилось в поздневизантийское время производство мастики, главным образом на острове Хиос, южная конечность которого называлась иногда мысом мастики — *Sapo Mastico* (на Востоке нередко весь этот остров называли «островом мастики»). Мастика ценилась как составная часть в производстве различных лаков. Она вывозилась преимущественно на рынки Александрии и Дамаска. Запад поглощал только одну треть продукции мастики Хиоса⁸².

Широко распространено было производство адрагантовой резины (камеди), употреблявшейся для различных красителей — лазури, позолоты и др. Главным районом распространения и выделки этой резины была Морея⁸³.

Таким образом, мы видим, что в Византии XIII—XV вв. происходило некоторое развитие производительных сил. Но это развитие шло настолько замедленными темпами, что не могло привести к новым производственным отношениям.

Основной причиной, вызывавшей замедленное развитие производительных сил, было безраздельное господство феодалов, которые, держа в своих руках весь государственный аппарат, из-за своих узкоклассовых эгоистических целей покровительствовали иностранному, особенно итальянскому, купцам и предпринимателям⁸⁴. А итальянские торговые колонии

⁷⁷ A. Ellissen. *Analekten der mittel- und neugriechischen Litteratur*, Bd. IV. Leipzig, 1860, S. 22.

⁷⁸ O. Tafrali. *Topographie de Thessalonique*. Paris, 1913, p. 39—40.

⁷⁹ W. Heyd. *Op. cit.*, II, p. 688—689. Употребление сахара в Византии Евстафий относит ко времени Комнинов (Eustathius. *Opuscula*, p. 209). Сахарный тростник у него встречается под названием *γλυκὸς κάλαμος*, в другом отрывке мы находим у него наименование сахара — *σάκχαρ* (*ibid.*, p. 163).

⁸⁰ V. Gardthausen. *Griechische Paläographie*. Leipzig, 1879, S. 48—50.

⁸¹ V. Gardthausen und Maria Vogel. *Die griechische Schreiber des Mittelalters und der Renaissance*. Leipzig, 1909, S. 79.

⁸² W. Heyd. *Histoire du commerce...*, II, p. 634—635.

⁸³ *Ibid.*, p. 623—624.

⁸⁴ Э. В. Удалцова. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. ВВ, т. VII, 1953, стр. 98.

не только не способствовали росту новых производственных отношений, но тормозили их развитие, консервировали феодальные производственные отношения.

Для характеристики ремесленного производства в Византии XIII—XV вв. важно было бы проследить, в каком положении находились в это время византийские цехи — ремесленные корпорации, игравшие большую роль в жизни византийских городов X—XI вв. Однако в советской литературе уже отмечалось, что в связи с переменами в развитии общественно-экономического строя византийских городов положения «Книги эпарха» не отражались в поздневизантийском законодательстве, и, таким образом, нормы и правила, зафиксированные в этом документе, в XIII—XV вв. уже не имели применения⁸⁵. Из числа зарубежных ученых этим вопросом занимался Харанис⁸⁶. Исследуя письма патриарха Афанасия, Харанис подметил, что в конце XIII в. официально не было известно, кто вел торговлю хлебом в столице, не было даже известно, сколько было в городе хлебопек⁸⁷, ремесленная корпорация которых играла такую большую роль во времена, когда в полной силе были нормы, зафиксированные в «Книге эпарха». Время, когда ремесленные корпорации играли видную роль в экономической жизни Византии, к XIII в. уже осталось далеко позади.

Феодальная раздробленность в Византии XIII—XV вв. тормозила развитие внутреннего рынка, протекавшее, как и развитие производительных сил, замедленными темпами. Тем не менее можно отметить, что в некоторых городах сохранился значительный уровень торговли. Критовул уделил большое внимание городу Эносу, расположенному в удобном месте фракийского побережья Эгейского моря. Энос вел значительную торговлю с расположенными к югу от него островами (Имброс, Лемнос и др.). Большой удельный вес в торговле Эноса занимала продукция принадлежавших ему квасцовых разработок. Значительные размеры торговли приносили жителям Эноса большие доходы и делали его одним из крупных торговых центров⁸⁸. Критовул описывает также Митилену на острове Лесбосе как большой городской центр, не только ведущий внутреннюю торговлю с окружающими областями, но и имевший связи с Сирией и Египтом. Согласно этому сообщению, Митилена располагала своим торговым флотом⁸⁹. В европейской части Византии центрами торговли и ремесленного производства оставались Коринф, Фивы и Патры. Коринф, главный город Пелопоннеса, после IV крестового похода до 1395 г. находился под властью созданного крестоносцами Ахейского княжества. Хищническое отношение завоевателей к экономическим ресурсам наложило тяжелый отпечаток на экономику оказавшихся под их властью городов. Однако, как сообщает Критовул, Коринф и в XV в. продолжал оставаться большим центром торговли и ремесленного производства⁹⁰. Такое же сообщение имеется у Критовула и относительно города Патры⁹¹.

Для внутренней торговли в Византии XIII—XV вв. характерно большое распространение ярмарок. Фессалоникская ярмарка не потеряла

⁸⁵ М. Я. Сюзюмов. Книга эпарха. Свердловск, 1949, стр. 10.

⁸⁶ P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and later. „Byzantinoslavica“, XII, 1951, p. 94—153.

⁸⁷ Ibid., p. 151.

⁸⁸ Critobulus, II, 12, 2; 13, 8, p. 112—113.

⁸⁹ Ibid., IV, 13, 1—3, p. 146.

⁹⁰ Ibid., III, 3, p. 8—10.

⁹¹ Ibid., III, 5, p. 1—6.

своего значения и в XV в., что засвидетельствовано Иоанном Анагностом, сообщавшим в своем рассказе о падении Фессалоники, что там ежегодно происходили большие ярмарки⁹². В XIV в. имели место ярмарки на Пелопоннесе, как видно из упоминаемого Сфрандзи хрисовула Андроника III жителям Моневвасии, в котором он разрешает устраивать ярмарки во всех городах Пелопоннеса⁹³. Описание большой ярмарки XIV в. содержится в стихотворном произведении монаха Матвея⁹⁴. Известны случаи устройства ярмарок монастырями. Так, по писцовым книгам Иверского монастыря можно установить наличие ежегодных ярмарок, устраиваемых во владениях монастыря⁹⁵.

Наиболее крупные ярмарки продолжались больше недели. Ярмарки обычно устраивались вне городских стен. В похвальном слове Трапезунту Виссариона Никейского (XV в.) говорится, что ярмарка происходила вне города (ἐξὼ τῆς πόλεως). Ярмарки приносили доход государству, взимавшему κομμέριον τοῦ πανηγυρίου⁹⁶.

Помимо наиболее крупных ярмарок, происходило большое количество мелких ярмарок, имевших исключительно местное значение, отражавших замкнутый характер городского хозяйства. По поводу этих мелких ярмарок уместно привести высказывание Ф. Энгельса о том, что здесь наблюдаются «...ограниченность обмена, ограниченность рынка, стабильность способа производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру, объединение внутри местных рамок...»⁹⁷. В византийских городах существовала оживленная торговля вразнос. Об этом свидетельствуют сообщения, что византийские женщины, высовываясь из окон, зазывали мелких уличных торговцев и покупали у них все, что им было нужно из продовольственных продуктов и предметов домашнего обихода⁹⁸.

В византийских городах не образовалось мощных купеческих гильдий, как это имело место в развивавшихся городах Западной Европы. В советской литературе уже указывалось, что купеческий капитал городов-эмпориев «...использовал товарное производство города, а в натурально-хозяйственной периферии использовал лишь обращение излишков, консервируя эту стадию товарного обращения и фактически препятствуя переходу от товарного обращения излишков к товарному производству... Развитие товарного производства в византийской провинции и в других странах повлекло упадок товарного производства и купеческого капитала в таких городах, как Константинополь и Фессалоника»⁹⁹. Это положение М. Я. Сюзюмова относится не только к Константинополю и Фессалонике, но в равной степени и к другим византийским городам позднего времени. Когда в Византии итальянские торговые республики завоевывали прочные экономические позиции, неорганизованное византийское купечество сталкивалось с сильными купеческими организациями итальянцев. Это организационное превосходство итальянского купечества было одной из причин, которые способствовали «...переходу торговли в руки итальянцев».

⁹² Johannes Anagnostes. De expugnatione Thessalonicae. Bonnae, p. 533.

⁹³ Georgius Phrantzes. Annales. Bonnae, 1832, p. 403.

⁹⁴ S. Mercati. Versi di Matteo Jeromonacho. „Studi bizantini“, II, p. 30, vers. 141.

⁹⁵ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts. SBAW, philos.-hist. Klasse, Heft 28, 1949, S. 41, 103.

⁹⁶ Ph. Koukoulès. Vie et civilisation byzantines, III, p. 282.

⁹⁷ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1952, стр. 256.

⁹⁸ D. Hesseling — H. Pernot. Poèmes probromique, IV, Paris, 1884, p. 112.

⁹⁹ М. Я. Сюзюмов. Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма. (Автореферат докторской диссертации). Свердловск, 1953, стр. 14.

янских купцов, заинтересованных в основном в активной морской торговле»¹⁰⁰.

Захват итальянскими республиками торговых позиций внутри Византии подтачивал собственно византийскую торговлю. Одним из проявлений этого процесса была дезорганизация денежного обращения в Византии XIII—XV вв.

Еще Алексей I Комнин (1081—1118) выпустил в обращение новые номисмы, в которых содержание золота составляло лишь одну треть полноценной номисмы, т. е. 4 милиарисия из 12. Это положило начало упадку международного значения византийской монеты, которая до этого занимала первое место на международных рынках¹⁰¹. Западные государства прибегли к чеканке своих золотых монет. В 1252 г. Флоренция начала чеканить свои флорины, имевшие большой успех. В 1284 г. Большой Совет Венеции принял постановление о чеканке дукатов, которые вскоре начали вытеснять византийские золотые монеты и занимать первое место в международной торговле¹⁰². Прежние полноценные монеты тезаврировались богатыми людьми. Никифор Григора сообщает, что около 1332 г. в одной башне был найден клад прежних полноценных монет. Эти монеты продавались по три новых иперпира за один старый¹⁰³. Старые монеты вывозились также за границу, главным образом в Венецию. Вывоз монет практиковали самые высокопоставленные лица, в том числе члены правящей династии. Жена деспота Морей Феодора I вывезла большую сумму золота на Крит. В 1407 г. император Мануил II получил от Венеции разрешение располагать этим фондом¹⁰⁴. В 1429 г. протостратор деспотата Морей Мануил получил разрешение держать в Модоне или Короне все свое состояние¹⁰⁵.

Андроник II (1282—1328) стремился улучшить золотое содержание иперпира, но, несмотря на это, Венеция отказалась принимать эти монеты из-за низкого содержания золота¹⁰⁶. С первой половины XIV в. товары, покупавшиеся внутри Византии итальянскими купцами, оплачивались флоринами, дукатами либо монетами, специально чеканенными Генуей и Венецией для своих восточных колоний. В 1452 г. упоминается *Officium Monetae Romaniae*¹⁰⁷. Византийская монета потеряла всякое доверие не только за границей, но и среди византийского населения. Отмечается появление актов продажи, в которых имеется условие, что продажная цена, устанавливаемая в общепринятых в Византии денежных единицах, должна вноситься иностранными монетами, обычно венецианскими дукатами. Так, например, Александр Сарантен, продавая в 1322 г. три дома монахам Хиландарского монастыря, обусловил, что установленная цена в 90 иперпиров должна быть внесена венецианскими дукатами. В собрании актов Афона мы также встречаем документ, в котором зафиксированы акты продажи крестьянами Серр своих участков Хиландарскому монастырю в 1323—1326 гг. В этом документе из 23 случаев продажи участков

¹⁰⁰ М. Я. Сюзюмов. Производственные отношения. . . , стр. 25.

¹⁰¹ A. Andréadès. De la monnaie et de la puissance d'achat des métaux précieux dans l'Empire byzantin. Byz., I, 1924, p. 81 sq.

¹⁰² G. Bratianu. Etudes byzantines d'histoire économique et sociale. Paris, 1938, p. 222—224, 235—239.

¹⁰³ Nic. Greg., I, p. 447.

¹⁰⁴ D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée. Paris, 1932, p. 166.

¹⁰⁵ K. N. Sathas. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge, III. Paris, 1882, p. 350—351.

¹⁰⁶ Pachym., p. 494.

¹⁰⁷ Atti della Società Ligura di Storia Patria, XIII, p. 221.

в 20 случаях расчеты ведутся на венецианские дукаты¹⁰⁸. Подобно тому как в ранние периоды своей истории Византия собирала у себя почти все золото Европы, так теперь, в позднее время, итальянские республики прибирали к своим рукам большую часть византийского золота, и историк Дука восклицал: «где же номисма?» (*καὶ ποῦ νόμισμα*)¹⁰⁹. Это расстройство денежного обращения является одним из показателей упадка собственно византийской торговли.

Состояние источников позволяет дать лишь в самых общих чертах характеристику расслоения городского населения в Византии XIII—XV вв. Городская знать была тесно связана с крупным феодальным землевладением. Представители городской знати в своем большинстве были крупными землевладельцами и занимали господствующие позиции в армии и государственном аппарате, центральном и областном. С феодальной знатью в городах смыкались представители наиболее богатых слоев городского купечества. Византийские города были средоточием большого количества церквей и монастырей. В крупных городах находились епископии и митрополии с многочисленным клиром. Высшее духовенство примыкало к городской знати и играло большую роль во всей политической жизни византийских городов. «Средний класс» включал в свой состав торговцев, зажиточных ремесленников, мелких собственников и представителей свободных профессий. Остальное городское население, его преобладающая часть, принадлежало к городской бедноте, *πένητες*.

Сюда относились мелкие земледельцы, мелкие ремесленники, наемные рабочие и др. Некоторая часть этих слоев, как мы видели на примере Фессалоники, не порывала связей с сельским хозяйством, занимаясь скотоводством, огородничеством, садоводством и даже земледелием. К этим слоям подходит характеристика, которую Ф. Энгельс давал средневековому ремесленнику, отмечая, что «он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород и сад, но очень часто клочок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д.»¹¹⁰.

Глубина социальной дифференциации весьма наглядно подчеркивалась той пропастью, которая образовалась между образом жизни богатой знатной городской верхушки и условиями существования беднейших слоев городского населения. Эта пропасть сказывалась во всем: в характере жилищ, в домашней утвари, в одежде.

Городская верхушка строила большие дома, как бы «маленькие города в больших» (*μικρὰ πόλεις ἐντὸς μεγάλων*), отличавшиеся роскошью внешней и внутренней отделки¹¹¹. Во многих из них своды или арки поддерживались мраморными колоннами, капители и цоколи которых были покрыты скульптурным орнаментом, воспроизводившим на мраморе и на камне темы орнаментов, вытканых и вышитых на драгоценных тканях¹¹².

Беднейшие жители городов нередко строили стены своих домов из тростника, заделывая их глиной, чем в значительной мере объяснялись частые пожары. Такие дома носили название *καλαμπότσιχα*. Но в этот период городская беднота в своем большинстве жила уже в помещениях,

¹⁰⁸ Actes de l'Athos, V. Actes de Chilandar, ed. L. Petit et B. Korabiev. ВВ, т. XVII, 1911, прилож., стр. 180, 223—227.

¹⁰⁹ Ducas, p. 55.

¹¹⁰ Ф. Энгельс. Дополнения к третьему тому „Капитала“. В кн.: К. Маркс. „Капитал“, т. III, Госполитиздат, 1953, стр. 911.

¹¹¹ Ph. Koukouliès. Vie et civilisation byzantines, IV, p. 296.

¹¹² L. Bréhier. Etudes sur l'histoire de la sculpture byzantine. „Missions scientifiques“ (rapports, nouvelle série), IX, 1913, p. 34 sq.

сдаваемых богатыми собственниками доходных домов¹¹³. В сборнике правил Михаил Атталиат, наживший большое состояние, рассказывает, что он вкладывал свои средства в строительство доходных домов¹¹⁴.

В позднее время получило большое распространение производство черепицы, которой покрывались наклонные крыши в богатых домах. В домах бедняков делались крыши из тростника. В акте 1309 г. о продаже дома Михаила Капитонаита Ксену Крентиту дом назван *καλαμίστερος*, т. е. имеющий тростниковую крышу¹¹⁵.

Иоанн Тецц свидетельствует, что в беднейших одноэтажных домах вместе с жителями содержались и животные, нередко в общих помещениях¹¹⁶. Нижний этаж двухэтажных и трехэтажных домов часто использовался для различных хозяйственных надобностей. Там находились стойла, различные запасы, кладовые для хранения корма скоту и т. д.¹¹⁷

Естественно, что и в обстановке жилищ существовало большое различие. Столы у беднейших горожан изготовлялись из самого простого дерева, у богачей нередко отделялись серебром и слоновой костью¹¹⁸. В то время как посуда в домах бедняков изготовлялась из простой глины, в домах богачей золотая и серебряная посуда встречается вплоть до самого позднего времени¹¹⁹.

Богатые византийские горожане имели большое число домашних слуг. В XIV в. Исидор из Фессалоники порицал богачей, которые живут, окруженные большим числом слуг, и появляются на улицах с целой свитой льстецов и паразитов¹²⁰. Феодор Продром также свидетельствует о множестве слуг в домах городских богачей¹²¹. В XII в. Вениамин Тудельский описывал роскошные одежды богачей из дорогих, богато расшитых тканей¹²². Позднее получили распространение туники с позолотой и широкие плащи, покрытые пурпуровыми цветами, как, например, изображен Феодор Метохит в мозаике Кахриэ-Джами, около 1300 г.¹²³ Как сообщает Никифор Григора, указы Андроника II, регламентировавшие одежду знати, были забыты при его преемнике, Андронике III (1328—1341), при котором получили большое распространение различные иностранные одежды: болгарские, сербские, итальянские и др.¹²⁴

Городская знать и богатые горожане тратили на охоту огромные средства в своих пригородных имениях, где они содержали дорого стоившие целые отряды псарей, загонщиков, собаководов (*σκυλαγῶται*), дресировщиков соколов и др.¹²⁵

Роскошь богатых горожан выражалась также в большом распространении золотых украшений у женщин. Наличие богато отделанных серег рассматривалось как признак богатства и благополучия. Серьги отделялись жемчугом и другими драгоценными камнями. Многие богатые

¹¹³ L. Bréhier. La civilisation byzantine, p. 28.

¹¹⁴ Michaelis Attaleiatis Diataxis, ed. W. Nissen. Jena, 1894, p. 23—27.

¹¹⁵ Actes de l'Athos. Actes de Xenophon, ed. L. Petit, BB, т. X, вып. 1—2, 1903, стр. 41.

¹¹⁶ Johannis Tzetzae Epistolae, ed. Th. Pressel. Tübingen, 1851, epist. 18.

¹¹⁷ A. Papadopoulos-Kerameus. Fontes historiae imperii Trapezuntini. Petropolis, 1897, p. 147.

¹¹⁸ Ph. Koukoulès. Vie et civilisation byzantines, V, p. 143.

¹¹⁹ R. Guiland. Le palais de Théodore Metochite. „Revue des études grecques“, т. 35, 1922, p. 38.

¹²⁰ O. Tafrali. Thessalonique... p. 21.

¹²¹ PG, t. 133, col. 1355.

¹²² Benjamin de Tudèls. Voyages, vol. IV, p. 49—50.

¹²³ Ф. Шмит. Кахриэ-Джами. ИРАИК, XI, 1906, табл. 58.

¹²⁴ Nic. Greg., XI, 11, p. 181.

¹²⁵ L. Bréhier. La civilisation byzantine, p. 178—179; Ph. Koukoulès. Vie et civilisation byzantines, V, p. 387 sq.

женщины носили ожерелья (*μανιάκια* или *μηνίσκοι*), отделанные драгоценными камнями. Об этих украшениях сообщает Иоанн Евгеник¹²⁶. О ношении ожерелий с камнями, имевшими, по поверью византийцев, магическую силу, упоминает Анна Комнина¹²⁷. В большом употреблении были золотые браслеты, цепи.

Роскоши богатой городской верхушки противостояла нищета беднейших слоев городского населения. В XIII—XV вв. в города попадали значительные массы разорявшегося обезземеленного крестьянства, ради скудного заработка готовые на любую работу. Как выше уже было отмечено, часть ремесленников в XIII—XIV вв. сохраняла связи с сельским хозяйством. В сообщении Григория Паламы, сохранившемся в неизданной парижской рукописи № 1239, говорится, что во время сбора винограда и жатвы многие жители Фессалоники покидали город для занятия сельскохозяйственными работами¹²⁸.

Беднейшие классы городского населения нередко попадали в долговую кабалу к ростовщикам и, как сообщает Димитрий Кидонис, лишались всего своего имущества, изгонялись из своих жилищ и пополняли ряды бездомных людей, готовых на любую работу, чтобы не умереть с голода¹²⁹.

Беднейшее население византийских городов носило простые одежды из самых грубых тканей, простую обувь из бараньей кожи, носившую название *κλιόστρα*¹³⁰. В начале XIII в. афинский митрополит Михаил Хониат в поэме, посвященной Феано, утверждал, что жители острова Кеос ходили необутыми¹³¹. Писатель XV в. Стефан Сахликис также сообщает о большом количестве разутых граждан в византийских городах¹³².

Ко времени Михаила Палеолога относится сообщение Пахимера о наличии должности ночного эпарха (*νυκτέπαρχος*), которому надлежало ведать ночной охраной города¹³³. Но по существу постоянная охрана отсутствовала, и, как писал Стефан Сахликис, на византийских улицах ночью бродили проститутки, воры и убийцы (*τῆ νύχτα πόρνοι περπατοῦν καὶ κλέπται καὶ φονίσοι*)¹³⁴.

Для охраны своих домов богатые знатные горожане содержали собственные отряды, о которых упоминают источники XIV—XV вв.¹³⁵ В документах отмечается наличие частных мест заключения (*ιδιωτικὰ δε σφωστήρια*), в которых крупные собственники содержали лиц, совершивших преступления против их имущества¹³⁶.

В XIII—XV вв. мы не находим уже и следов организаций димов, игравших видную роль в политической жизни городов ранней Византии. Однако центральной власти все же приходилось прибегать к городскому населению и искать его поддержки. Так, по сообщению Кантакузина, в составе созданного им в 1347 г. народного собрания для рассмотрения плана улучшения финансов империи были купцы, ремесленники и даже представители беднейших слоев населения¹³⁷. В своей интересной работе

¹²⁶ Fr. Boissonade. *Anecdota nova*. Paris, 1844, p. 341.

¹²⁷ *Annae Comnenae Alexias*, vol. I. Bonnae, 1834, p. 177.

¹²⁸ O. Tafrali. *Thessalonique...*, p. 109.

¹²⁹ D. Kydonis. Fr. Boissonade. *Anecdota graeca*, V. Paris, 1833, p. 258.

¹³⁰ W. Wagner. *Carmina graeca medii aevi*. Leipzig, 1879, p. 159.

¹³¹ Μιχαὴλ Ἀχομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα, I—II. Ἐν Ἀθήναις, 1879—1880, II, 388, vers. 381.

¹³² W. Wagner. *Op. cit.*, p. 97.

¹³³ *Pachym.*, I, p. 159.

¹³⁴ W. Wagner. *Op. cit.*, p. 65.

¹³⁵ H. Grégoire. *Les veilleurs de nuit à Trébizonde*. BZ, 18, 1909, p. 490 sq.

¹³⁶ Ph. Koukoulès. *Vie et civilisation byzantines*, III, p. 225.

¹³⁷ *Cantac.*, IV, 5, p. 33 sq.

о византийских городах XIII—XIV вв. современный румынский историк Франчес усматривал в фактах созыва подобных собраний возрождение муниципальных советов¹³⁸. Необходимо, однако, отметить, что факты созыва этих собраний единичны, что императорская власть прибегала к ним лишь тогда, когда она нуждалась в чрезвычайных денежных сборах, как это отчетливо видно из сообщений Кантакузина¹³⁹. Поэтому нам представляется ошибочной точка зрения Франчеса, усматривавшего в этих собраниях, руководимых, как он пишет, феодальной знатью, усиление «эмансипации» византийских городов в XIII—XIV вв.¹⁴⁰

Сведения о деятельности муниципальных органов настолько фрагментарны, что не позволяют сделать какие-либо обобщения по этому вопросу, тем более что эти данные относятся в основном к Фессалонике, крупному городу-эмпории. В Фессалонике действовало обычное право, различное для жителей города (*νόμοι οἰκιστῶν*) и жителей пригородов (*νόμοι ἀποιῶν*). Неизвестное нам число представителей знати и богатейших горожан составляло сенат (*βουλή* или *σύγκλητος*), из числа членов которого выбирались архонты (*ἄρχοντες τοῦ κοινοῦ*), стратиги, судьи. Для избрания городских должностных лиц имелись сословные и имущественные ограничения. В исключительных случаях созывалось народное собрание¹⁴¹.

В период латинского завоевания 1204 г. некоторые города ставили условием своей капитуляции предоставление им прав самоуправления. В Морейской хронике сообщается, что завоеватели вынуждены были давать городам эти права¹⁴². Однако по этому источнику нет возможности определить, в чем была сущность этих прав. Нет также данных и для суждения о том, какова была судьба этих прав после восстановления Византии. Известно лишь, что после взятия Монемвасии Михаил VIII подтвердил в 1261 г. привилегии самоуправления. Эти привилегии были подтверждены Андроником II в 1284 г. и Андроником III в 1336 г.¹⁴³ Другое сообщение говорит о том, что в 1319 г. Сиргиани, зять Андроника II, пожаловал городу Янине смешанное управление. По этому акту *εφ' αλή* осуществлял управление совместно с выборными представителями, носившими название *ἄνθρωποι καλοί*¹⁴⁴. В 1246 г. вопрос о передаче Меленика Иоанну Ватацу рассматривался собранием представителей городского населения. Собрание послало к Иоанну Ватацу делегацию, в состав которой входили выборные от должностных лиц города (*τῶν προχόντων*), от войска (*τῶν ἐν στρατεία κατεπίγμενων*) и от «лучших граждан» (*κρείττους τῶν οἰκητόρων*). Делегация состояла из 500 человек, которых Акрополит называет «почетными и знатными»¹⁴⁵.

В буржуазной литературе выдвигалась точка зрения, что в Византии «... развитие муниципальных учреждений не происходит в результате борьбы и не является победой над феодалами, как на западе Европы, но появляется в качестве специального дара императорской власти или древних привилегий, которые эта власть оставила существовать»¹⁴⁶. Эта точка зрения является ошибочной. Несмотря на ослабление центральной власти

¹³⁸ E. Francès. La féodalité et les villes byzantine au XIII-e et au XIV-e siècle s. «Byzantinoslavica», XVI, 1, 1955, p. 87 sq.

¹³⁹ Cantac., IV, 6, p. 39—40; IV, 12, p. 80—81.

¹⁴⁰ E. Francès. Op. cit., p. 86—88.

¹⁴¹ O. Tafrali. Thessalonique..., p. 66—78.

¹⁴² Chronicle of Morea, ed. J. Schmidt. London, 1904, p. 138—140.

¹⁴³ MM, V, p. 154.

¹⁴⁴ MM, V, p. 77 sq.

¹⁴⁵ Georgii Acropolitae Annales. Bonnae, 1836, p. 124.

¹⁴⁶ St. Novakovič. Villes et cités..., s. 337.

в Византии XIII—XV вв., она оказывала сопротивление всем попыткам оживить следы муниципальных учреждений. Она последовательно проводила линию, выраженную в указе Льва VI (886—912) о ликвидации муниципальных учреждений, где указывалось, что органы городского самоуправления противоречат порядку, при котором обо всем заботится сам император (*προς μωτην την βασιλειαν πρόβοιαν τε και διοίκησιν*)¹⁴⁷. Поэтому не могли иметь места ни специальные «дары», жалуемые городам по собственной воле императоров, ни «древние привилегии», которые императорская власть якобы оставила существовать, так как эти привилегии были давно ею уничтожены. Единичные сведения о некотором оживлении муниципальных прав можно объяснить лишь требованиями богатейшей торговой верхушки отдельных городов, которой императорская власть шла в таких случаях на уступки. Но это движение не имело под собой прочной базы и носило поэтому чрезвычайно ограниченный характер, так как в Византии не сложились условия для оформления и консолидации передового класса, который был бы способен произвести коренной переворот в феодальных производственных отношениях¹⁴⁸, а следовательно, и возглавить борьбу за расширение муниципальных прав византийских городов.

Усиление торговых позиций итальянских республик внутри Византии подрывало собственно византийскую торговлю и ремесленное производство, ослабляло экономическую мощь византийских городов в XIII—XV вв. Поэтому мы считаем необходимым дать краткий очерк организации итальянских колоний в поздней Византии.

К сожалению, данных о формах организации итальянских колоний в Византии сохранилось очень мало. Регламенты управления колоний были установлены сравнительно поздно.

Об организации генуэзской колонии XIII—XIV вв. в Константинополе можно судить по «Статутам генуэзской колонии Перы»¹⁴⁹. Во главе колонии стоял подеста, который назначался из Генуи. Его власть распространялась на всех генуэзских граждан в Византии, проживавших там временно или постоянно. Генуэзские консулы, а также другие агенты Генуи, находившиеся на всей территории Византии, подчинялись подесте. Он носил титул *potestas (vicarius) Januensis in imperio Romaniae*. Он выполнял также функции постоянного посла при византийском императоре, хотя в особых случаях присылались специальные послы. Подеста соединял в своих руках высшую административную и судебную власть. В управлении колонией он опирался на большой совет из 24 и малый совет из 6 членов, подбиравшихся из представителей знати. При подесте находилось специальное торговое бюро (*officium mercantiae*), которое следило за строгим исполнением таможенных привилегий.

До 1204 г. нет сведений о венецианских подданных, которые стояли во главе колоний, хотя имеются прямые указания, что такие должности существовали¹⁵⁰. В грамоте Алексея III от 1199 г., относящейся к судопроизводству при тяжбах между византийцами и венецианцами¹⁵¹, император соглашался на то, чтобы в случаях, когда византиец подает жалобу на венецианца, он должен обращаться в венецианский трибунал. В этом документе термин *legatus* употребляется то в значении дипломатического

¹⁴⁷ Jus., III, p. 138—139.

¹⁴⁸ Э. В. Удалцова. Предательская политика феодальной знати... стр. 99.

¹⁴⁹ Statuti della colonia genovese di Pera. „Miscellanea di storia italiana“, XI, 1870.

¹⁵⁰ W. Heyd. Histoire du commerce... I, p. 257.

¹⁵¹ Tafel-Thomas, I, p. 273 sq.

представителя, то постоянного представителя венецианского дожа с обычным титулом *viscomes, consul, bajulus*. Венецианский представитель чаще всего носил наименование *подестá* или *балъи* (*rector qui vocetur bajulus*)¹⁵². Как и генуэзский *подестá*, он являлся ко двору. Ему были подсудны судебные дела венецианцев, для решения которых он созывал три судебных заседания в неделю. При нем состояли два советника (*consilarii*). В случаях расхождений между балъи и его советниками мог созываться большой совет 12-ти (*consilium majus*), избиравшийся из знатных членов колонии. В пизанской колонии послы и лица, стоявшие во главе колонии, носили различные наименования: первые назывались *legati, missatici, punitii*, вторые — *viscomites*. С 1160 г. постоянным главой пизанской колонии в Константинополе был *viscomes*, назначаемый из года в год. Наряду с *viscomes* в документах один раз упоминается *comes Pisanorum*. Глава пизанской колонии имел в своем подчинении других чиновников: *embolarios* (надсмотрщиков за рынками), *scalarios* (надсмотрщиков за пристанями), *judices*¹⁵³. Должности при управлении генуэзскими колониями в Византии могли продаваться. Нотарии в колониях носили название *scriban'ci Romanie*. В их обязанности входило составление и переписка всех актов. Нотарии генуэзских колоний состояли при *подестá* или консуле, число их было велико. В Пере в 1281 г. упоминаются имена 19 различных нотариев, не считая нотариев, находившихся непосредственно при *подестá*. В Каффе в 1289 г. было 29 нотариев¹⁵⁴.

Усиливавшаяся интенсивность торговой деятельности итальянских колоний в Византии вызывала переход к высоким формам организации кредита и денежного обращения. Итальянские купцы стремились к организации денежного кредита, чтобы избавиться от засилья ростовщиков. Статуты устанавливали максимальные нормы процента прибыли с торгового оборота и ссуд. По этим статутам кредитор не мог преследовать должника, если он требовал с него высокие проценты, превышающие установленную норму. Рассматривая историю организации денежного кредита, К. Маркс писал: «Кредитные ассоциации, образовавшиеся в XII и XIV столетиях в Венеции и Генуе, были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли эмансипироваться от господства старомодных ростовщиков и монополизаторов торговли деньгами... купцы, образовавшие эти ассоциации, сами были первыми людьми в этих государствах и были столь же заинтересованы в том, чтобы освободить от ростовщиков свое правительство, как и в том, чтобы освободить от них самих себя...»¹⁵⁵.

Кредитные ассоциации итальянских купцов, выросшие из потребностей широкой торговли итальянских республик, давали им в руки новое сильное орудие борьбы против собственно византийской торговли, которая была лишена подобных организаций. Постоянная нужда в большой массе денег, находящихся в обороте, в итальянских колониях осложнялась многими другими обстоятельствами. Нужно было постоянно переводить значительные суммы денег из одного места в другое, нередко в очень отдаленные местности. Необходимо было также решать проблему денежного обмена и иметь дело с многочисленными видами монет Востока и Запада, для которых нужно было устанавливать правильные курсы обмена в соответствии с количеством золота или серебра, которое они

¹⁵² Tafel-Thomas. III, p. 83.

¹⁵³ W. Heyd. Histoire du commerce... I, p. 259—260.

¹⁵⁴ G. I. Bratianu. Actes de notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281—1290). Bucarest, 1925, p. 33—34.

¹⁵⁵ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1953, стр. 615—616.

содержали. Эти потребности породили необходимость возникновения тех или иных форм переводного векселя¹⁵⁶.

В актах генуэзских нотариев встречаются многообразные формы, свидетельствующие о широком развитии кредитных операций в итальянских колониях. Так, встречается договор простого векселя, без упоминания названия *cambium*. По этому договору взятая сумма должна быть возвращена в определенное время и в определенном месте, причем кредитору предоставляется право установить место платежа¹⁵⁷. 27 июня 1281 г. братья Фурио заключили в Пере договор с Орто о том, что они получили от него 178 иперпиров, которые они должны вернуть венецианскими дукатами через 15 дней после благополучного прибытия в Каффу корабля с товарами¹⁵⁸. Часто встречается формула, по которой взятая сумма должна быть возвращена кредитору или назначенному им его представителю (*tibi vel tuo certo misso*)¹⁵⁹. Подобные операции называются в актах нотариев *nomine cambii sive vendicionis*¹⁶⁰. В некоторых документах встречается уже термин «банк» (*banchum*). Так, в документе Каффы от 18 июля 1289 г. некий Negro, получив в кредит товары на сумму 411 иперпиров, должен оплатить их в Пере через банк Пастурелло через 8 дней после своего прибытия туда¹⁶¹. Развивалась операция *cambium*, которая состояла одновременно из перевода денег в другое место и обмена на иностранную монету. Фиксируемая разница курсов монет позволяла обходить запрещение взимания процентов, укрывать проценты, взимаемые с должников¹⁶². На связь с операцией размена денег (*cambium*) указывает название векселя (*lettera di cambio, lettre de change*). Таким образом, корни векселя, как самостоятельной формы денежного обращения, следует искать в итальянских торговых республиках.

Среди документов Перы встречаются акты, посвященные созданию товариществ или обществ для морской торговли. Это — *societas* или *societas maris*, отличные от товариществ для торговли в самой Генуе. Первоначально, в середине XII в., это — товарищества, имеющие не более двух участников. *Socius stans* передает самую большую часть капитала другому участнику — *socius tractans* или *portitor*, причем последний добавляет свою часть. По возвращении из торговой поездки прибыль распределяется между участниками после упорядочения всех расчетов. Такие товарищества создавались не только для одного путешествия. Известно товарищество, которое было основано в 1156 г. и продолжало свое существование, увеличивая свой капитал при каждой торговой поездке, до 1162 г. Первое время эти товарищества состояли из представителей ограниченного количества богатейших семейств. Это был период, когда вся торговля Генуи через ее колонии на Леванте была в руках нескольких семейств — Венти, Вольта, Бурони и др., державших в своих руках все торговые заморские операции. В конце XII в. в формах организации товариществ произошли большие изменения, увеличилось число их участников. Стал складываться порядок, при котором член товарищества, отправившийся в торговую поездку, вкладывал только свой опыт и труд¹⁶³. Увеличивались капиталы, которыми располагали товарищества. 21 июля 1281 г. было образовано товарищество из 5 членов с капиталом

¹⁵⁶ G. I. Bratianu. Actes de notaires... , p. 45.

¹⁵⁷ Ibid., doc. 264, p. 247.

¹⁵⁸ Ibid., doc. 1, p. 73.

¹⁵⁹ Ibid., doc. 163, p. 180—181.

¹⁶⁰ Ibid., doc. 239, p. 230; doc. 240, p. 230—231.

¹⁶¹ Ibid., doc. 261, p. 245.

¹⁶² Ibid., p. 48.

¹⁶³ Ibid., p. 53—54.

2600 иперпиров. Этот капитал разделялся на две части: одна часть в 1400 иперпиров отправлялась для торговых операций в портах Черного моря, другая — с другими членами товарищества в «Романию», т. е. в Византию¹⁶⁴. Следует отметить, что должность нотариев не претпоставляла им заниматься торговой деятельностью. Нотарии часто фигурируют в актах, в которых фиксировалось создание торговых товариществ, и их капиталы не оставались без применения¹⁶⁵. Так, например, в акте от 21 августа 1281 г. кардинал Бонаventura подтверждает получение от нотариуса Гандульфи суммы для ведения торговых операций в Византии (*mercandi causa per imperium Romanie*)¹⁶⁶. В другом акте, от 25 августа этого же года, тот же Гандульфи передает купцу 8 кусков ломбардского сукна для перепродажи в Каффе¹⁶⁷. Развитие кредитных ассоциаций и торговых товариществ усиливало позиции итальянских торговых республик внутри Византии, подрывало конкурентную способность византийского купечества, не имевшего подобных организаций, и еще более ослабляло собственно византийскую торговлю, губительно сказываясь на всей экономике византийских городов¹⁶⁸.

В XIV в. усилилась непосредственная угроза турецкого завоевания.

Современники понимали размеры турецкой опасности и ее значение для экономического положения городов Византии. В этом отношении представляет интерес речь Димитрия Кидониса о Галлиполи¹⁶⁹. Галлиполи, значительный торговый город, был разрушен землетрясением в 1354 г. В 1371 г., готовя поход против Сербии, султан Мурад предложил Византии мир, требуя за это уступку Галлиполи. Кидонис в своей речи выступил против тех, кто советовал сделать эту уступку. Он предупредил, что Мурад, предлагая мир, лишь ищет передышки, чтобы после похода на Сербию снова обрушиться на империю. Если Галлиполи будет уступлен туркам, говорил Кидонис, все морское судоходство попадет под их контроль. Транспорты с хлебом смогут в любой момент быть перехвачены врагами, которые, таким образом, будут держать в своих руках все снабжение хлебом византийских городов, в том числе и столицы¹⁷⁰. Действительно, трудности продовольственного снабжения визан-

¹⁶⁴ G. I. Bratianu. Actes de notaires. . . , doc. 56, p. 108—110.

¹⁶⁵ Ibid., p. 34—35.

¹⁶⁶ Ibid., doc. 90, p. 131.

¹⁶⁷ Ibid., doc. 99, p. 136.

¹⁶⁸ Следует иметь в виду, что наряду с генуэзцами, венецианцами и пизанцами Византия в XIII—XV вв. принимала и купцов других итальянских республик, а также других европейских стран. На византийских рынках появились ткани из Фландрии, Реймса, Флоренции. Так, герцог Бургундии Филипп велел продать на Родосе и других рынках 110 кусков сукна, привезенных на корабле, шедшем на помощь рыцарям Родоса в 1441 г. С 1444 до 1451 г. он держал большой корабль для торговых связей с Константинополем (см. H. Grünzweig. Un exemple de vente directe de drap flamand dans le Levant. Вуз., IV, 1928, p. 427 sq.). Флоренция вывозила свои ткани при посредстве Венеции, но стремилась приобрести в Константинополе свой квартал. Переговоры велись с 1430 г., но только после Флорентинского собора Иоанни VIII, которому Флоренция дала ссуду для расходов по его путешествию в Западную Европу, предоставил Флоренции прежний квартал пизанцев (MM, III, p. 200 sq.). Флоренция получила право держать в Константинополе консулов для управления колонией. В XIII—XV вв. сохранялась и колония Анконы, управлявшаяся консулом и советом купцов (*Collegium mercatorum in Romania existentium*). Указом Андроника II пошлины, уплачиваемые купцами Анконы, были установлены в размере 2⁰/₀ (ibid., III, p. XVI—XIX). В 1290 г. возникла колония каталонцев в Константинополе в результате посольства консула Далмачию от горожан Арагона, Каталонии, Барселоны, Валенсии и Тортозы. Андроник II предоставил каталонским купцам право свободного въезда и разъездов по империи, установив пошлины в размере 3⁰/₀. Около 1320 г. пошлины были снижены до 2⁰/₀ (ibid., III, p. 98—100).

¹⁶⁹ D. Kydonis, PG, 154, col. 1009—1036.

¹⁷⁰ Ibid., col. 1029.

тийских городов усиливаются в конце XIV—начале XV в. Об этом свидетельствуют многочисленные указы, в которых византийское правительство пыталось принимать меры вплоть до полного запрещения вывоза зерна из Византии. Такие указы были изданы в 1406, 1418, 1423, 1431, 1436, 1442, 1447 гг.¹⁷¹ и в другие годы.

Подведем некоторые итоги. В XIII—XV вв. производительные силы в Византии развивались исключительно замедленными темпами, что не создавало условий для перехода к новой, более прогрессивной общественно-экономической формации. В Византии мы наблюдаем процесс, когда «... купец непосредственно подчиняет себе производство. Как ни велико историческое значение последнего пути как переходной ступени, ... однако он сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом как необходимое для него самого предварительное условие»¹⁷².

Развитие производительных сил тормозилось господствовавшими феодальными производственными отношениями. Это основное противоречие византийского феодального общества являлось главным тормозом его развития, консервирующим феодальные производственные отношения и приводившим в упадок экономическую жизнь византийских городов. Господствующий класс крупных феодальных землевладельцев, державший в своих руках все экономические и политические позиции, не только не был склонен защищать интересы богатой городской верхушки, но в своих эгоистических интересах покровительствовал итальянским купцам. В результате господство на складывавшемся византийском рынке все более переходило к итальянскому купечеству¹⁷³.

Захват итальянскими торговыми республиками сильных экономических позиций в византийских городах был также одной из основных причин, консервирующих феодальные производственные отношения. Развивавшиеся в итальянских колониях высокие формы торговых товариществ и кредитных ассоциаций давали итальянским купцам дополнительное сильное орудие борьбы против византийского купечества.

Конкуренция итальянских колоний наносила тяжелые удары ремесленному производству в городах Византии. Изделия византийского ремесла уступали место ввозимым иностранным товарам. Одним из показателей упадка ремесленного производства является почти полное исчезновение ремесленных корпораций, в предшествующие века игравших такую значительную роль в экономической жизни Византии. В Византии мы не обнаруживаем купеческих гильдий, и организационное превосходство итальянского купечества также ускоряло упадок торговли в византийских городах XIII—XV вв.

В Византии не образовалось передового класса, который был бы способен совершить коренной переворот в производственных отношениях, ибо не создавалось условий для формирования и консолидации такого класса.

Захват турками-османами малоазиатских провинций Византии и последующее их вторжение на Балканский полуостров расстроили прежние торговые пути и оказались одной из последних причин, вызывавших постепенное замирание экономической жизни византийских городов.

Упадок византийских городов является одной из основных особенностей общественно-экономического строя Византии XIII—XV вв.

¹⁷¹ ММ, III, р. 116, 156, 166, 179, 188—189, 209, 218.

¹⁷² К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1953, стр. 346.

¹⁷³ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 40.